

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОМЕДИИ НАКИ ИСАНБЕТА «РЫЖИЙ ЧИЧЯН И ЧЕРНОВОЛОСАЯ КРАСАВИЦА»

P.P. Замалетдинов¹, М.М. Хабутдинова²

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

¹sovet.rus16@mail.ru, ²mileuscha@mail.ru

Цель исследования состоит в изучении генезиса текста комедии Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица», 1942).

Материалы и методы исследования: материалом для изучения послужили сохранившиеся в архивах редакции комедии Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица»), изучение которых позволяет реконструировать природу авторского замысла. Исследование велось с помощью генетического, культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного методов исследования, выбор которых определен характером анализируемого текста.

Новизна исследования состоит в комплексном изучении истории создания и бытования указанной комедии в татарской культуре и выявлении ее роли в популяризации сведений о Золотой Орде в среде татар.

Результаты исследования. «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» (1942) принадлежит к разряду народных (фольклорных) комедий Наки Исанбета. Это авторская комедия, созданная на основе фольклорных, народных произведений комического плана. Народность этой комедии определяется тем, что она ориентировалась на вкусы, нравственные представления и социальные идеалы демократических слоев населения. Ее главные герои – чичяны, мастера слова, певцы-импровизаторы, народные поэты, регулирующие взаимоотношения народа и власти. В комедии в фольклорно-символической форме воспроизведено авторское представление о сущности национальной жизни в эпоху Золотой Орды, эстетический идеал драматурга, основанный на народных представлениях о власти, управлении государством, справедливости, идеале народного заступника и семейных ценностях. Джирен чичян и Карабеч сылу принадлежат к разряду «вечных образов» татарской литературы. При их создании фольклорист оттолкнулся от личного опыта общения с народными певцами, опирался на сведения о чичянах, почерпнутые из древних источников (Саган-Сэцэн, Джамуха чичян), а также систематизировал материал о них в научной литературе. Наки Исанбет в своих авторских комментариях подробно описал генезис образа чичяна, сформулировал его отличительные особенности: значимая роль супруги чичяна в его жизни; целенаправленная деятельность чичяна по разрешению проблем власти и народа, стремление ханов приблизить народного певца к ханскому дворцу, аскетизм и демократизм героя, историзм и образность мышления, меткий язык.

Ключевые слова: история, татарская литература, татарская драматургия, комедия, Наки Исанбет, Золотая Орда, чичян

© Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Замалетдинов Р.Р., Хабутдинова М.М. Творческая история комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» // Золотоординское обозрение. 2023. Т. 11, №4. С. 934–956. DOI: 10.22378 /2313-6197.2023-11-4.934-956 EDN: SUEEVY

Финансирование: Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

THE CREATIVE HISTORY OF NAKI ISANBET'S COMEDY “RED-HAIRED CHICHYAN AND BLACK-HAIRED BEAUTY”

R.R. Zamaletdinov¹, M.M. Khabutdinova²

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

¹ *soviet.rus16@mail.ru* , ² *mileuscha@mail.ru*

Abstract: *The purpose of the study.* The purpose of our research is to study the genesis of Naki Isanbet's comedic text “Jiran chichan belan Karachach sylu” (“Red-haired chichyan and Black-haired beauty”, 1942).

Materials and methods of research: The material for the study was preserved in the archives of Naki Isanbet's “Red-haired chichyan and Black-haired beauty” comedy versions. Its study allows us to reconstruct the nature of the author's idea. The study was conducted using genetic, cultural-historical, and comparative research methods, the choice of which is determined by the nature of the analyzed text.

The novelty of the research consists in a comprehensive study of the history of the creation and existence of this comedy in Tatar culture and the identification of its role in popularizing information about the Golden Horde among the Tatars.

Research results. Naki Isanbet's comedy “Jiren chichan belan Karachach sylu” (“Red-haired chichyan and Black-haired beauty”, 1942) is a vivid evidence of the valorization of national cultural values during the Great Patriotic War. During the short period the playwright managed to perpetuate national images of heroes on the stage: Idegey, Tulyak, Jiren chichyan and Karachech sylu. Their roots go back to the glorious history of medieval Tatar states. During the Great Patriotic War, the voices of Jiren chichyan and Karachech sylu (14th century) were heard from the Tatar stage, and people got acquainted with the instructions of Jamukha chichyan (12th century). The performance and the work were banned by censorship. The work was published in 1963 and returned to the stage in 1999 (directed by Farid Bikchantaev).

Keywords: History, Tatar literature, Tatar drama comedy, Naki Isanbet, Golden Horde, Chichyan

For citation: Zamaletdinov R.R., Khabutdinova M.M. The creative history of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and Black-haired beauty”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 934–956. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.934-956 (In Russian)

Financial Support: The work was carried out as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Program of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Введение

В 1923 г., размышляя над феноменом творческой истории произведения, русский литературовед А.Г. Горнфельд создал изящный афоризм, который не утратил актуальности и поныне: «Мы не имеем еще литературной семасиологии, но она, конечно, должна быть и будет создана. И, разумеется, ту же роль, какую играет «происхождение» слова в определении его нынешнего значения, должен играть первоначальный смысл художественного произведения при всяком истолковании» [8, с. 150]. По мнению Н.К. Пиксанова [22, с. 19], П. Н. Сакулина [25, с. 165–166], история текста «не только «предпосылка» для творческой истории, но и является составной частью последней. Точка зрения ученых перекликается с мнением академика Д.С. Лихачева: «До той поры пока мы знаем памятник только в его последнем варианте и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом – наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т.д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже научно понять «последнюю волю автора»» [18, с. 182]. Для изучения творческой истории необходимы данные внешней биографии писателя (до хронологических дат включительно), палеографические изучения рукописей, исследование разновременных редакций текста и их вариантов.

В фокусе внимания в настоящей работе оказалась творческая история комедии Наки Исаанбета «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Рыжий чичян и черноволосая красавица», 1942). Толчком к данному исследованию послужило обнаружение в личном архиве писателя двух папок с рукописями этой пьесы на арабице¹, машинописи² и черновиков комедии, над которыми писатель работал в 1942 г. в д. Каен-лык Актанышского района РТ (фото 1). В библиотеке ТГАТ им. Г.Камала мы наткнулись на режиссерский вариант пьесы на кириллице с правками Наки Исаанбета³. Созданное в годы Великой Отечественной войны произведение впервые было опубликовано из-за цензуры лишь в 1963 г. в составе «Избранных сочинений» Наки Исаанбета [11, с. 169–276], затем было переиздано в 1989 г. [10, с. 261–352]. Распутывая клубок творческой истории пьесы, в своем исследовании мы сконцентрировались на связи комедии с эпохой Золотой Орды. Мы уже затрагивали эту тему эскизно в более ранних наших работах [30; 33] и др.

В архиве Наки Исаанбета мы обнаружили статью «“Жирэн чичэн” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) («Как и для чего создавался «Джирен чичян»?» (некоторые пояснения автора)» (1948), где содержатся сведения об истории создания, кратко очерчен авторский замысел⁴. К сожалению, эта статья была лишь частично опубликована. В 1962 г. Наки Исаанбету удалось включить в состав авторских примечаний только определение термина «чичэн» («чичян») [11, с. 504]. По-видимому, книжное издательство не со-

¹ Исаанбет Н. Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу // Личный архив Н. Исаанбета. 1942. 298 л.

² Исаанбет Н. Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу // Личный архив Н. Исаанбета. 1942. 138 л.

³ Исаанбет Н. Жирэн чичэн // Библиотека ТГАТ им. Г.Камала. Рукопись. Казань, 1942. 137 л.

⁴ Исаанбет Н. “Жирэн чичэн” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исаанбета. Рукопись, машинопись. 4 л.

гласилось опубликовать комментарий автора целиком по цензурным соображениям. Тема Золотой Орды со временем принятия постановлением ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации» оставалась в СССР под запретом и ее освещение жестко регламентировалось. Дастан «Идегей» не был опубликован, хотя издательский договор был подписан с Наки Исанбетом в 1941 г. Выпущенный в 1941 г. в издательстве сборник фольклориста «Балалар фольклоры» («Детский фольклор») по требованию обкома должен был быть изъят из типографии и сожжен в котельной. Книга была спасена, благодаря смелости и находчивости директора издательства Тинчурина, а также положительной рецензии из Москвы, организованной Наки Исанбетом. Неожиданная разгромная рецензия Семена Липкина в 1944 г. на трагедию «Идегей» после восторженных отзывов переводчика в 1941 г., к сожалению, не была воспринята автором как тревожный звонок, предупреждающий, о новой волне травли в свой адрес [17]. Семен Липкин охарактеризовал трагедию как талантливо написанную пьесу, в которой изложена «порочная» «историческая концепция». По мнению автора разгромной статьи, «несмотря на крупный драматургический талант», «неправильный взгляд и на историю своего народа, и на исторические мотивы народного эпоса привел Исанбета» «к серьезной неудаче» [17]. В 1944 г. была уничтожена рукопись «Очерки истории ТАССР», которая создавались в сотрудничестве с московскими учеными с 1941 г. В 1951 г. был ликвидирован весь тираж изданной «Истории ТАССР» (подр. см. [4; 5; 6]). Наки Исанбет мужественно вытерпел мышиную возню «недоброжелателей» вокруг оперы «Туляк» [4, с. 87].

Удивительно, как в этих условиях драматург замахнулся на новый спектакль по мотивам средневекового народного эпоса. Сценическая судьба комедии, как и печатной версии, не менее драматична. Премьера пьесы на сцене ТГАТ им. Г. Камала состоялась в 1944 г. Режиссер Ширъяздан Сарымсаков к постановке привлек лучшие творческие и актерские силы. Над спектаклем в сотрудничестве с автором – ученым-фольклористом Наки Исанбетом – работали художник Петр Сперанский и композитор Назиб Жиганов. Сохранилась единственная рецензия на спектакль [15]. Не ссылаясь на источник информации, Ю. Сафиуллин отмечает, что спектакль «Рыжий насмешник и его черноволосая красавица» (русское название комедии, принятое ТГАТ им. Г. Камала) был сыгран лишь «3–4 раза при полупустых залах, после чего был снят с репертуара» [26, с. 259].

Через полвека к пьесе вернулся режиссер Фарид Бикчантаев и его спектакль также вызвал жаркую дискуссию [7; 24, с. 69]. Театр показал эту постановку в 2003 г. на V Международном фестивале государственных театров под эгидой Министерства культуры Турции и при финансовой поддержке фонда Сабанжи. В процессе своего бытования на сцене произведение привлекло внимание как литературоведов (Н. Ханзафаров [32, с. 86–93], Ф. Миннуллина [19]), театроведов [7; 26], так и музыковедов (Ю.Н. Исанбет [9], Д.Ф. Хайрутдинова [31]). На татарском радио изредка транслируется радиоспектакль по этой пьесе Наки Исанбета.

Обсуждение

Изучая творческую историю пьесы «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица», 1942), литературовед Н. Ханзафаров, ограничив свое исследование фольклорными источниками [32, с. 86–93], проигнорировал ряд важных фактов. Они открываются, если рассмотреть данное произведение на фоне обстоятельств и фактов из жизни Наки Исанбета и времени.

Таким образом мы получаем возможность отследить «генетику», эволюцию авторского замысла.

Гульсум Исанбет – прототип Черноволосой красавицы (Карачеч сылу) в комедии

За рамками исследований, посвященных этой пьесе, ускользнул важный факт из биографии Наки Исанбета. Писатель посвятил комедию своей жене (фото 2). Так опальный драматург выразил свою любовь и признательность Гульсум Исанбет, которая была для него живым воплощением тюркского идеала преданной супруги. В 1967 г., тяжело переживая из-за смерти жены, готовя ее воспоминания к печати, писатель так уважительно отзывался о ней: «Гәлсем ханым иң ябын сердәш, фикердәш, мәсләктәш булса да, аның үз карашы, үз ноктасы бар. Мәстәкүйль анлы кеше иде» [21, с. 398–399]. – «Гульсум ханым, хотя и была для меня самой близкой наперсницей, единомышленником, соратником, однако у нее на все был свой взгляд, своя точка зрения». (подстр. пер. здесь и далее наш – М.Х.).

Гульсум Исанбет «была в курсе процесса создания каждого произведения мужа: от возникновения замысла до его воплощения в последнем авторском варианте, а также всех дальнейших изменений, вносимых под влиянием внешних обстоятельств. Мало того, что она перепечатывала все рукописи Исанбета, написанные неудобочитаемой арабской скорописью, он еще очень вдохновенно и артистично прочитывал ей готовые произведения сам и очень считался с ее мнением. Сберегая время мужа для творчества, она взяла на себя обязанность читать новые книги татарских писателей и всю татарскую и русскую периодику, приходящую в дом по подписке (13–15 названий)» [14, с. 167].

Счастливая супружеская жизнь была омрачена травлей писателя, которая не прекращалась четверть века. Чтобы понять, что довелось пережить Наки Исанбету, достаточно заглянуть в раздел «Автобиография» в его «Личной карточке члена Союза Советских Писателей СССР» от 5 января 1953 г. За скучными строками документа скрывается столько внутренней боли и злой самоиронии писателя над собой и представителями власти. Это яркое свидетельство трагедии художника слова в тоталитарную эпоху. Особенно показателен отрывок, относящийся ко времени создания комедии:

«В начале 1930 года я переехал в Казань, где сразу накинулись на меня бывшие эсэры, орудовавшие тогда в Казани на культурном фронте и занимавшие ответственные посты (начиная с Касимова – бывшего секретаря Тат. Обкома ВКП (б), книги которого я разоблачал в Уфе, в журнале «Алласыз») и они объявили меня соучастником какой-то вымышленной литературной нелегальщины «джидганищины». Я был под следствием и скоро был реабилитирован, но эсэры так зашумели и все равно не допустили меня к преподаванию и к литературе. Я поступил рабочим на обувную фабрику «Спартак».

Таким образом, я оказался самой подходящей фигурой и мишенью как для РАППовцев, так и вообще для всех проходимцев-карьеристов, как по своему происхождению, так и как оклеветанный человек. Кроме гонений и всяческих оскорблений в те годы я почти ничего не видел. К тому же я имел большую семью (7 человек) и я жил почти впроголодь. В результате всего этого я очутился в самых тяжелых и неблагоприятных условиях жизни и творчества. Проработал я на фабрике свыше двух лет. Потом, с большим трудом, пробирался к преподаванию. И только в 1939 г. году, после истечения 25 лет литературной деятельности, я был принят в Союз Советских писателей.

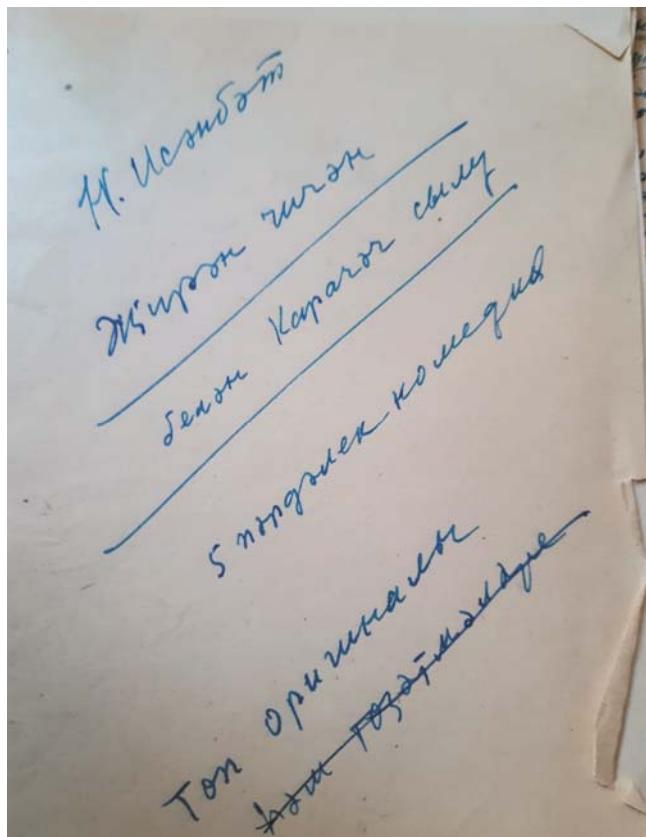

Фото 1. Титул рукописи комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» (1942).

Photo 1. Title of the manuscript of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and the Black-haired beauty” (1942).

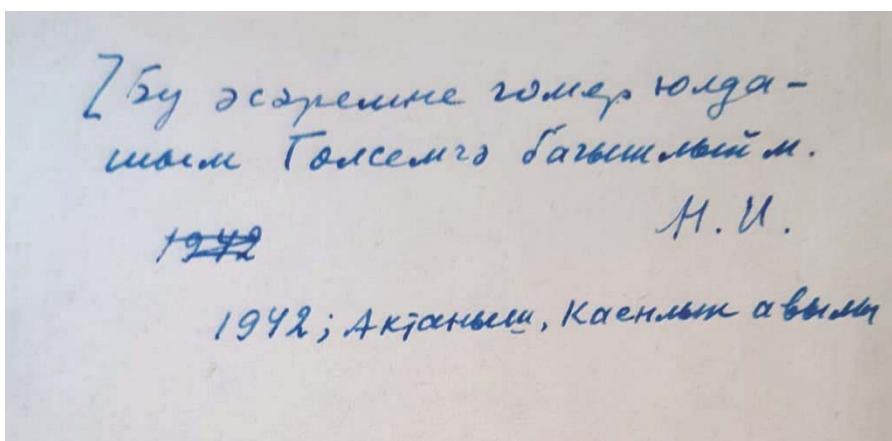

Фото 2. Фрагмент рукописи комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» (1942) с посвящением.

Photo 2. Fragment of the manuscript of Naki Isanbet's comedy “Red-haired chichyan and the Black-haired beauty” (1942) with dedication.

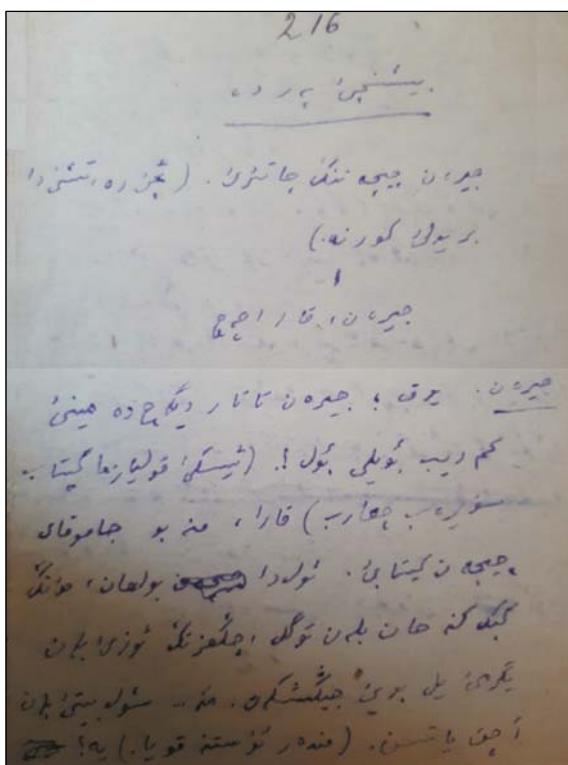

Фото 3. Пятое действие комедии Наки Исанбета «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» (1942).

C.216.

Photo 3. Fifth action
of Naki Isanbet's comedy
"Red-haired chichyan
and the Black-haired beauty"
(1942), p.216.

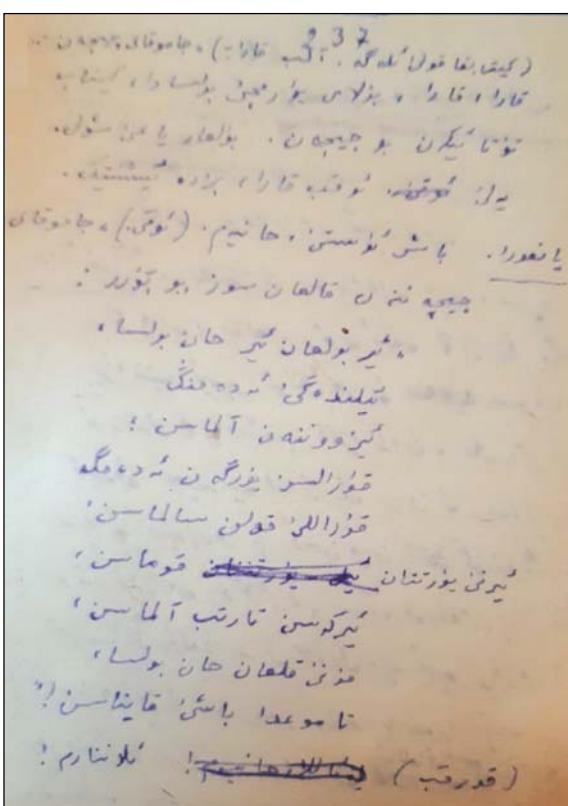

Фото 4. Рукопись Наки
Исанбета «Рыжий чичян и
Черноволосая красавица»
(1942). С.237.

(1942). C.237.

Photo 4. Naki Isanbet's manuscript "Red-haired chichyan and Black-haired beauty" (1942), p.237.

И вот, в 1940-м году, когда шла подготовка к декаде татарского искусства и литературы, как-то вспомнили обо мне. Управление по делам искусств Татарии дало мне заказ, заключив договор, написать драматическое произведение по эпосу «Идегей», чего не надо было со мной делать и чего я не должен был делать! Но заказ был сделан для показа на декаде в Москве и по поручению правительственный комиссии по проведению юбилея этого эпоса по Татарии. Чего бы лучшего! (То было время увлечения народными эпосами почти у всех народностей СССР). И я взялся. Составил сводный текст этого эпоса и, с вводной статьей, напечатал его в журнале и на его основе написал драму. Хотя я это делал при общем одобрении, но дело было в принципе порочным, так как это явилось идеализацией феодально-ханского завоевателя Идегея, а не героя народного, как я ошибочно думал вначале, на что и было указано в решении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года.

Допущенная мною ошибка, которую я признал, научила меня многому. Партия дала мне возможность работать в литературе и я с тех пор успел кое-что написать (см. перечень произведений). Но те же товарищи, поддержавшие меня в моей ошибке, так насторожились на счет меня, что даже некоторые стали на путь открытого преследования и на этом накопили багаж (типа Баяна Гизат и иже с ними). При такой атмосфере перестраховки и неблагожелательности мне стало трудно продвигать мои произведения.

Исходя из вышесказанного видно, что моя биография получилась отнюдь не благоприятствующей к литературной деятельности, не говоря об спорности самого жанра – драматургии, где я больше всего выступал. При таком положении дел, я на старости лет все глубже и глубже начинаю чувствовать, что все эти придиры и передергивания оскорбляют мою гражданскую честь, что мне, видимо, не суждено как следует развернуть свой талант на этом поприще, что это неблагодарный труд слишком дорого обходится для меня и становится в тягость. Видимо, первой непоправимой ошибкой в моей жизни было мое первое выступление в печати и второе – мой уход от преподавания, где я имел бы уже 35-летний стаж!

Поэтому мне совершенно не хотелось заполнять эти громоздкие анкетные листы. Но товарищи так усердно настаивают на этом, и я заполняю их в надежде, что это уже в последний раз. Наки Исанбет. 5/I, 1953”.

Семья Наки Исанбета выстояла под страшными ударами судьбы. Супруги воспитали 4 детей, оставивших заметный след в татарской культуре. Булат Гизатуллин (сын Гульсум Гизатуллиной от первого брака) – журналист, Заслуженный работник культуры РСФСР (1970), в 1958–1962 гг. – заведующий отделом культуры Татарского обкома КПСС, в 1963–1971 гг. – министр культуры ТАССР. Празат Исанбет – актёр, режиссёр, народный артист ТАССР (1981), заслуженный деятель искусств РСФСР (1986). Арлат Исанбет – краснофлотец-ветеран Великой Отечественной войны, инженер. Юлдуз Исанбет – музыковед, педагог, кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств ТАССР, РФ.

Образ Карабеч сылу занял свое достойное место в галерее женских образов писателя. По признанию автора, положительные образы татарских женщин в его произведениях не есть продукт искусственно-ложной идеализации, а исторический факт – результат сознательной творческой работы по пропаганде национального эстетического идеала среди читателей и зрителей: «татар хатын-кызларын күбесенчә уңай яктан һәм құпмедер дәрәжәдә идеаллаштырып құрсәтүем чыннан да хак бит. ... Ләкин ... бу... ясалма сүрәтләвем түгел, ул – минем ижатымда да, шулай ук тормышта да табигый һәм тарихи бер хәл» [21, с. 281]. –

«Доминирование в моих произведениях положительных женских образов, в какой-то степени их идеализация является правдивым фактом... Однако это не есть искусственные образы, этот факт соответствует как природе моего творчества, так и эпохе и моему мировоззрению». (*подстр. пер.*). Создавая в 1942 г. образ Карабеч сылу (Черноволосая красавица), Наки Исанбет, создал гимн преданной супруге, тем самым стараясь придать силы советским женщинам, которые самоотверженным трудом ковали победу в тылу в ожидании возвращения супругов с фронтов Великой Отечественной войны [11, с. 505].

Джирен чичян как «вечный образ писателя Наки Исанбета

В своих авторских комментариях драматург отмечает, что взялся за создание комедии «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» (1942) по заказу ТГАТ им. Г. Камала после успеха своего спектакля «Хужа Насретдин»: «Минем “Хужа Насретдин” дигэн комедиям татар сәхнәсендә зур уңыш казангач һәм Мәскәүдән килеп қараучы сәнгать житәкчеләре тарафыннан татар сәнгать декадасына алып барырга тиешле әсәр итеп табылгач һәм алынгач Татар Академия театры миңа Хужаның икенче вариантын язарга тәкъдим итте. Аны язу мөмкин булса да һәм мин башта аңа қүндем дә, уйлап караганнан соң мин аны куеп Жирэн чичэн турында язарга булдым»⁵. – Когда моя комедия «Хужа Насретдин» снискала успех на сцене и приехавшие из Москвы критики отобрали ее в программу Декады, Татарский Академический театр мне предложил написать второй вариант «Хужи»⁶. Хотя его написать для меня и не представляло трудности, я даже свыкся с этой мыслью, однако, подумав, все же я решил отказаться от первоначального замысла, чтобы написать пьесу о Джирен чичяне» (*подстр. пер.*).

К этому решению писатель пришел в ходе художественных поисков оригинального национального литературного героя. По мнению Наки Исанбета, образ Хужи Насретдина является общетюркским достоянием: «Хужа татар халык фольклорының бик популяр диванасы булса да, ул бер татарның түгел, гөмүмән төрек халыкларның, хәтта ул Иран, Афган, Балкан һәм башкаларга да үтеп кереп бара. Әмма Жирәнгә килсәк, дөрес, ул Хужа чаклы ук популярлашмаган (чөнки без аны Хужа шикелле басма китаплар белэн халык эченә татармаган-быз⁷) (ансы безнен гаеп булсын) аның урнына Жирэн ул баштан аяк татарның гына һәм шуның өстенә бу чичэн дигэн халык гомүмән безнен халкыбызының тарихы белән генә бәйләнгән булуы аның типик националь зыйфатка ия булуын күрәбез»⁸. – «Хотя Хужа и является популярным диваной (чудаком) в татарском фольклоре, он принадлежит не только татарскому народу, его образ встречается у многих тюркских народов, его можно встретить даже в Иране, на Балканах и в других странах. А если обратиться к образу Джирен чичяна, он, конечно, не столь популярен (т.к. мы его образ, как Хужу, не популяризировали в среде татар через печатные книги) (пусть тому мы виной), образ Джирен чичян насквозь татарский и его национальная специфика состоит в его тесной связи с вехами нашей национальной истории» (*подстр. пер.*).

⁵ Исаенбет Н. “Жирэн чичэн” ни очен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.1.

⁶ Наки Исанбет предпочитал на русском называть своего героя Хужа, а не Ходжа.

⁷ Ученый-фольклорист указывает, что анекдоты о Хуже Насретдине в XIX в. татарами издавались 7 раз.

⁸ Исаенбет Н. “Жирэн чичэн” ни очен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.2.

Наки Исанбет безмерно гордится своей художественной находкой: «Бер та-былган образ буенча пьеса язы әлбәттә жиңелерәк эш. Чичәнгә килсәк ул безнәң өчен генә түгел образ буларак бәтән дөнья әдәбияте өчен дә бәтеннәй»⁹. – «Писать про популярный образ не составляет особого труда. А применительно к Джирену он является новаторским не только для татар, но и для мировой литературы в целом». Самобытна языковая характеристика этого образа. Джирен чичян овладел древними пластами языка с богатой образностью, сформированной еще в эпоху анимизма и антропоморфизма. Он выражается иносказательно, разговаривает с ханом аллегориями. Например, если он произносит: «ашъяулык бәклим («подгибаю фартук»), пычак куям («нож положу»), мыек сыпырам» («поглаживаю усы»), это означает, что он сватается. Процесс раздела утки на деле у него оборачивается процедурой оплаты приданого. По мнению Наки Исанбета, работать над этим образом гораздо сложнее, чем над образом Хужи Насретдина, чья речь состояла из шуток, каламбуров и прибауток. Перед драматургом встала сложнейшая задача адаптировать богатый на аллегории язык Джирен чичяна к возможностям сцены: «аның бу чичәнлек телен сәхнә ҹаралары белән тамашачы-га житәрлек гади итеп, аллегорияләрен эйбергә әйләндереп бирергә кирәк»¹⁰. – «Необходимо его богатый на аллегории язык чичяна упростить для понимания зрителями, добиться, чтобы его аллегории обрели плоть на сцене» (*подстр. пер.*).

В интервью Н. Ханзафарову в 1973 г. Наки Исанбет так сформулировал разницу между этими «вечными образами»: «Хужа Насретдин белән Жирән чичән арасында житди аерма бар. Хужа ул – диванага салынган халык тапкыры. Анда тел тапкырлыгы, мәзәк турыдан-турыга тәэсир итә. Чичәннәр исә дивана түгел, мәзәкче түгел, алар – трибун. Алар сүзне эш белән, эшне сүз белән минутында исбат итә ала. Кеше тормышы – табышмак, алла белән халык, хан белән халык мөнәсәбәте – үзе табышмак. Чичәннәр шул табышмакларны ачып биручеләр, дәлилләүчеләр. Чичән – халыкның агасы. Хужа – халыкның диванасы. Жирән – чичән хатынының акылына мохтаж. Элек-электән килгәнчә, хатын-кызга ул югары зат итеп карый. Чичәнлектә хатын-кыз алга куела. Фольклорга да бу шулай. Хатын-кыз сүзгә оста» [32, с. 86]. – «Между Хужой Насретдином и Джирен чичяном существует кардинальное различие. Хужа – это расторопный герой из народа, прикидывающийся диваной. Его меткий язык, анекдоты-шутки мгновенно оказывают влияние на зрителей. Чичяны – не дивана, не балагуры с шутками, они – трибуны. Они подкрепляют слово делом, дело словом мгновенно. Человеческая жизнь сродни загадке, взаимоотношения человека со Всевышним, народа и хана также являются загадкой. Чичяны распутывают такие загадки, находят аргументы для ответов. Перед чичяными стоят важные задачи. Чичян – уважаемые народные мудрецы. Хужа – чудак из народа. Чичян ощущает потребность опираться на ум своей супруги. В рамках проверенной в веках традиции он смотрит на женщину как на высшее существо. В искусстве чичянов принято ставить женщину на первое место. И в фольклоре так. Женщина обладает метким языком» (*подстр. пер.*).

К моменту создания комедии драматург накопил солидный опыт взаимодействия с народными певцами и обработки их творчества. Так, в дорожных заметках «Бер дәрвишнәң юл дәфтәре» («Дорожные заметки одного дервиша») (1920-е гг.) Н. Исадет вспоминает, как записывал песни народных певцов, проживавших в

⁹ Исаенбет Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исадета. Рукопись, машинопись. Л.2.

¹⁰ Исаенбет Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исадета. Рукопись, машинопись. Л.4.

деревнях Верхнеуральского уезда (знаменитая мишарская деревня Ахун, Сайт [21, с. 374–379]. Итогом сотрудничества с легендарным чичяном Слепым Фаррахом стало издание его произведений [32]. По следам фольклорных экспедиций ученый-фольклорист сформировал сборник народных песен революционной поры [1] (см. подр. об этом в другой нашей работе [33]).

Фольклорные корни образов Джирен чичяна и Карабеч сылу

Драматург не скрывает, что вдохновение для создания оригинального образа черпал в фольклорных источниках: «Чичэн – тел остасы дигэн суз. Жирэн яки Жирэнче дигэн кеше үзе чыннан булганмыдыр-юкмыдыр, белмим, эмма шундый исемдә халык авызында төрле легендалар, әкиятләр һәм мәзәкләр күп таралган. Идел-Жәек буйларында, шулай үк кардәш башкорт, казах, үзбәк кебек халыкларның хәрберсендә аның исемендәгә бай гына фольклор бар. Бу тапкыр, суз табучан, хикмәтле һәм һәйләкәр кешене ханнар үз тирәләренә тартарга, яннарында татарга тырышканнар. Ләкин ул сарайларда яшәми, шәһәр тышында үзәнең зирәк хатыны Карабеч сылу белән бир ярлы кечкенә күышта яши итеп бирелә». – «Чичян – слово, обозначающее бойкого на языке человека. Я не знаю, были или не были на самом деле люди с именами Джирен или Джиренче, однако в фольклоре бытует немало легенд, сказок и анекдотов с таким названием. В фольклоре, распространенном в Поволжье и окрестностях Уральска, в среде таких тюркских народов, как башкиры, казахи, узбеки, можно обнаружить богатый фольклор в честь него. Ханы старались приблизить к себе этого бойкого на языке, мудрого и находчивого человека. Однако в легендах показано, что он предпочитал жить не в ханском дворце, а на окраине города в бедной лачуге вместе со своей мудрой Черноволосой красавицей-супругой» [11, с. 505]. Наки Исанбет безмерно гордится тем, что в татарском фольклоре сохранился загадочный образ супруги чичяна, хранительницы домашнего очага, готовой встать на защиту супруга-борца с ханской деспотической властью.

В коллекции фольклориста мы обнаружили ряд анекдотов, в которых упоминается Джирен чичян. Так, в одном из них описывается, как хан, желая озадачить певца, попросил его узнать у перекати-поле, куда оно держит путь и где собирается остановиться на ночлег. Находчивый народный певец не растерялся, разыграв перед ханом сценку диалога с растением, вернулся с таким остроумным ответом: «... күчәремне жил белә, кунарымыны кыр белә, дип эйтте». – «О моем путешествии знает ветер, а о ночлеге – степь» [12, с. 333]. В одном анекдоте рассказывается о том, как хан пытается заполучить в свой дворец, а острослов предпочтает жить в лачуге, как хан [13, с. 350]. Хитрость Джирен чичяна раскрывается в эпизоде раздела курицы, когда он для себя оставил тушку, а хана отдал куриную голову [13, с. 458].

В ряде анекдотов описывается горе Джирен чичяна при получении известия о смерти супруги. В одном из них певец так образно определяет ее роль в своей жизни: «Хатын үлде – камчы сабы сынды». – «Жена умерла – сломалась ручка кнута» [13, с. 208]. В другом анекдоте острослов соотносит смерть жены с уходом из жизни хана. В одном из анекдотов описывается история женитьбы Джирен чичяна на Карабеч сылу [13, с. 208].

Объясняя пословицу, записанную в д. Альдермыш (Высокогорский район РТ): «Бер азык бар – ачы, / Ачы булса да татлы, / Бер азык бар – татлы, / Татлы булса да, ачы» («Есть продукт – он горький, / Хотя он кислый, но вкусный, / Есть продукт – он сладок, / Хотя он и сладкий, но кислый на вкус» (подстр. пер.)).

фольклорист ссылается на анекдот о том, как Карапчэч сылу испытывала своего жениха-острослова [13, с. 208].

Наки Исанбет, кроме анекдотов, зафиксировал в своей коллекции пословицы, принадлежащие Джирен чичяну. Одна из них о ветряной юности: «Йәшнең күңеле жылкенчәк, анауда да монауда». –«У молодого чувства легкомысленны, то о том, то о сем». (подстр. пер.). Другая – о мудрой старости: «Карт, егерме йәшәрмән, ди, Йәш, үз дигәнәмне йәшәрмән, ди». – «Старец сказал, что проживет лет 20, а Молодой заявил, что проживет, сколько захочется» [13, с. 208].

Таким образом, в анекдотах Джирен чичян охарактеризован как народный певец, бойкий на язык, которого хан стремится приблизить к себе. Герой с успехом решает трудные задачи, которые ему загадывает хан. Джирен чичян предпочитает жить на окраине города в лачуге. Народный певец не гоняется за богатством и комфортом. Он преданный супруг Карапчэч сылу (Черноволосая Красавица).

Н. Ханзафаров в своем исследовании указывает, что Наки Исанбет включил в свой сборник народных загадок 4 загадки-сказки, которые связаны с именем Джирен чичяна: «Ачы булса да татлы ни? Татлы булса да ачы ни?» («Хотя и кислое, но вкусное. Что это? Хотя и вкусное, но кислое. Что это?»), «Кемнәң үлүң нәрсәгә тиң?», (Его уход из жизни сравним с чем?) «Сәрвиназ» («Сервиназ»), «Айбикә» («Айбика») [29, с. 87]. Если две первые сюжетно перекликаются с анекдотами, разобранными выше (об испытании жениха, переживаниях Джирен чичяна по поводу смерти жены), две последние имеют оригинальный сюжет.

Так, сюжет сказки-загадки «Сәрвиназ» («Сарвиназ») ученый-энциклопедист, по собственному признанию, реконструировал по отрывкам, которые встречаются в книгах Ф. Халиди: «Болгарның Солтан Гадел Туктамыш хан кызы Хәлимәнәң бәхәсе» («Цена Халимы, дочери булгарского хана Солтан Гадел Туктамыша») (1898) «Кемгә тиеш?» («Кому достанется?») (1904), а также в старых календарях. Кроме того, Наки Исанбет воспользовался материалами, которые он записал из уст жителя Малаяза – поэта Габдрахмана Ганиева [29, с. 444].

Содержательный пласт загадки-сказки «Сәрвиназ» («Сарвиназ») связан с булгарским этапом нашей национальной истории и историей сватовства к дочери булгарского Таймас хана ханского сына Каранугай би из г. Этил – в прошлом столицы Хазарского государства. Комментируя эту загадку, Наки Исанбет отмечает, что она имела дастанную форму и исполнялась под звуки домбры во время «Дня загадок» в Булгаре. Кроме того, ученый рассказывает историю появления «нугай капкасы» («ногайские ворота») в Древнем Булгаре и Казани [29, с. 442–443]. Загадка несет в себе отчетливый дидактический посыл:

Загадка Сарвиназ	Отгадка по Наки Исанбету
Ике бүре бер күй жийде, кан чыгармый, Яхшы түрә дау бетерә, жан чыгармай, Үң кулымда алтын йөзек, ал чыгармай, Табучыга мин тиармен, мал чыгармай.	Сүз йөртүче, яла оештыручының төле (ике телле булу аркасында, кешенең башын шулай кан чыгармый), Яхшы кеше жәнжалсыз үлә (Үзе үлгәнче алыш-бирашендә ризалашып үлә), Жаным чыксын, әмма жанымдагы иман – ышанычым үземдә калган килем чыксын, Шуши табышмакның жавабын табучыга мин калым-мәһәр түләтмичә кияүгә чыгармын.

Подстрочный перевод:

На двух правителей одна овца, но кровь не проливают, Хороший правитель споры сводит на нет, душу не отбирает, На правой руке золотое кольцо, не выпускает, Разгадавшему эту загадку я достанусь без расходов.	Сплетник, клеветник (из-за того, что у него язык двуличный, он не выпускает кровь), Хороший человек умирает без скандала (До ухода из жизни приводя в порядок вопросы наследства, заплатив свои долги), Пусть умирая я сохранию в своей душе веру, Разгадавшему эту загадку я достанусь без дополнительных материальных затрат.
--	--

В загадке-сказке «Айбике», записанной в д. Биклянь (ныне Тукаевский район РТ), рассказывается о сватовстве к дочери Кандыр би Айбике, живущей в Елабуге, 3 женихов из Сибири, Астрахани, Казани. Согласно эпической традиции, во время испытания женихи демонстрируют свои достоинства и освобождают невесту из плена Чуракая-карака, живущего на острове посередине Волги. В отличие от других загадок-сказок в этой слушатель-читатель сам должен ответить на вопрос, кому должна стать женой Айбике [29, с. 450–453].

По мнению Н. Ханзафарова, во всех 4 загадках увековечен архетип образа Карабачэ сылу (Черноволосая красавица) [32, с. 87].

Место чичянов в исторической концепции комедии Наки Исанбета

В творческом сознании писателя феномен чичянства тесно связан с эпохой Золотой Орды. Писатель-просветитель стремился через художественное творчество поделиться с читателями информацией, почерпнутой из древних источников, посвященных истории государственности татар. Восхищает смелость шагов Наки Исанбета по продвижению национального исторического материала в период “расправы” над Золотой Ордой в Татарии (см. подр. об этом: [4; 5]). Художник слова старался максимально воспользоваться открывшимися в период военной оттепели возможностями. Наки Исанбет решил познакомить татарских зрителей с феноменом искусства чичян. В период, когда о свободе личности, свободе слова рассуждать было небезопасно, Наки Исанбет подарил своим читателям свободолюбивых героев, мужской и женский национальные эстетические идеалы.

Видимо, под давлением цензуры в книжные авторские примечания не попал важный материал из авторских примечаний 1948 г., формирующий представление о государственности татарского народа. Комментируя происхождение слова «чичян», Наки Исанбет пишет: «бу сүз (...) татар халкының дәүләт тоту тарихында дипломатиядә, яки зур дауларда роль уйнаган үткен телле кешеләргә күшамат булып та торганын да күрәбез». – «это слово в период татарской государственности служило прозвищем для бойких на язык людей, сыгравший важную роль в дипломатии или крупных сражениях»¹¹.

Наки Исанбет счел важным упомянуть в авторских примечаниях имя чичяна Джамука, «побратима» Чингиз-хана, убитого в 1204 г.: «Бу чичен Чынгыз ханның алдазы (кан алышып ант эчешкән кардәш) булып, аннан соң Чынгызга каршы гомер буенча демократия күтерелеше алып барды, ахырында Чынгыз жиңеп, дәүләт төзегәч, үзе килеп, Чынгыздан үз кулы белән үтереүен үтенде һәм

¹¹ Исаенбет Н. “Жирән чичән” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.4.

Чынгыз аны үтерде. Бу хатка бөтөн тарихларда жыелган кебек, мангул-татар фольклорында бир тээсирле эпослар бар»¹². – «Этот чичян, будучи побратимом хана (человеком, произнесшим клятву на крови), возглавил демократическое выступление против Чингиз-хана, в конце пришел к Чингиз-хану и попросил убить его лично своими руками, не проливая крови, когда победу одержал Чингиз-хан и создал свое государство. Об этом сохранились в фольклоре татаро-монгол эпические произведения, производящие сильное впечатление, равные по масштабу другим крупным историям» (*подстр. пер.*).

Судя по всему, Наки Исанбет почерпнул сведения о Джамуке чичяне из летописи Рашид ад-Дина: «монгольский обычай таков, что они приносят друг другу клятву кровью» [23, с. 186]. В.В. Бартольд в работе «12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии» утверждает, что причиной вражды Чингиз-хана и Джамухи была борьба степной аристократии, во главе которой стоял Чингиз-хан, и народными массами, сплотившимися вокруг его побратима. Каждая из сторон стремилась привлечь на свою сторону монгольскую знать. Скованный обязательствами своей клятвы, Джамуха был не последователен в своих действиях, что обрекло его на неуспех (см. подр. [2]). Наки Исанбет, не углубляясь в причину конфликта, акцентирует внимание на прозвище побратима Чингиз-хана – чичян, снискавшего авторитет в широких народных массах, благодаря размаху своей личности.

В авторских примечаниях содержится информация и о Сасани чичяне (Саган-Сэцэн). Татарский энциклопедист ссылается на труд одного из первых российских и немецких ученых-востоковедов, академика Петербургской Академии наук, Якова Ивановича Шмидта (1779–1847) [37], в 1829 г. впервые издавшего в немецком переводе монгольскую летопись Саган-Сэцэна «Эрдэнийн товч» («Драгоценная история»), написанную в 1662 г. В историю науки его работа вошла под названием «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen Übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben» (История Восточных монголов и их генеалогии, опубликовано Санан-Сэцэном хунтайджи из Ордоса. Перевод с оригинальным текстом, примечаниями и цитатами из других оригинальных произведений) (St. Petersburg; Leipzig, 1829). На ошибочное прочтение имени автора летописи указал в 1936 г. Ц.Ж. Жамцарано [38, с. 37] в работе «Монгольские летописи XVII в.». Монголовед утверждал, что имя автора в лучших списках «Желтой книги ханов» читается Sayang, а не Sanang, а Secen является прозвищем. Правильное написание имени этого деятеля было введено синологом Е. Haenisch [38]. Ц.Ж. Жамцарано в своей книге приводит полное прозвище деятеля Erke Secen Sayay tayvji quo, на которого ссылается татарский ученый [38, с. 14].

Саган Сэцэн – потомок Чингиз-хана в 22-ом поколении. Он родился в 1604 г. в аристократической семье с титулом «Сэцэн хунтайджи», а Асарагчи или Жамба – прямой потомок Чингиз-хана происходил из рода Нукунуху, третьего сына Гэрсэндза Хун-тайджи Джалаирского, являлся правнуком Тумэнкина, носивший титул Хундулун Чухухур Сайн-нойон [3, с. 62]. По мнению Б.Я. Владимирцева, этот «владетельный князь мог о многом слышать от старших сородичей-

¹² Исэнбет Н. “Жирэн чичэн” ни өчен һәм ничек язылды? (автор тарафыннан кайбер аңлатмалар) // Архив Н. Исанбета. Рукопись, машинопись. Л.4.

хранителей старинных преданий «золотого рода» (рода Чингиз-хана), а также от представителей других феодальных родов». [16, с. 16].

Саган-Сэцэн из Ордоса «происходил из старинного монгольского аристократического рода, восходящего к «золотому роду» Чингизидов. Его прадед, знаменитый Хутактай-Сэцэн-хунтайджи (1540–1586 года), прославился не только как крупный политический деятель, но и как один из просвещенных людей своего времени, замечательный знаток литературы. Хутак-тай-Сэцэн в 70-х годах XVI века отредактировал «Цагаан туух» («Белую историю»). Саган-Сэцэн унаследовал от своего прадеда не только его звание Сэцэн-хунтайджи, но и хорошее образование. Он был крупным историком и талантливым поэтом. Его «Эрд-нийн товч» содержит стихи, состоящие, как он сам пишет, из 79 строф (шулэг), в 316 строках (бадаг)» (см. подр.: [16]).

Стихи Саган-Сэцэна представляют большую ценность для изучения монгольского стихосложения В XVII веке. Его колофон (от греч. «завершение» текст на последней странице рукописной книги, содержащий сведения об авторе, месте и времени переписки) написан под влиянием поэтических приемов Сажа-пандита Гунга-Жалцана, которые он заимствовал из известного сочинения «Субашид», переведенного на монгольский язык еще в XVI веке (см. подр.: [16]).

Круг изученных Наки Исанбетом источников косвенно свидетельствует о том, насколько глубоко он интересовался историей Золотой Орды. Об увлеченности этой темой косвенно говорит и следующий факт из личной биографии ученого. В 1933 г. у Наки Исанбета родился сын Узбек, который умер в младенчестве. Султан Мухаммад Узбек-хан считался столпом веры в среде татар. Это был крупный политик, полководец, при котором регион Золотой Орды достиг наивысшего расцвета. Гульсум Исанбет родила ребенка, находясь в Москве. Узбек во время возвращения в Казань простудился. По воспоминаниям Празата Исанбета, братишку нарекли в надежде на его выздоровление вторым «говорящим» именем *Терэж* [21, с. 730].

Наки Исанбет упоминает в комедии имя побратима Чингиз-хана и его книгу. Очевидно, что драматург решился на этот шаг в годы Великой Отечественной войны неслучайно. Это целиком укладывалось в идеологию того времени. Как известно, Сталин призывал народ на защиту Отчизны, сравнив нашествие гитлеровских войск с нашествием Чингиз-хана и Наполеона. В рамках этой пропаганды была издана трилогия Владимира Яна «Чингиз-хан» (1939) [36], «Батый» (1942) [34], «К «последнему морю» (1955) [35], за которую 12 апреля 1942 года автор получил Сталинскую премию.

Наки Исанбет был уверен, что Карабэч сылу и Джирен чичян были реальными людьми, проживавшими в XIV в. в Сарай-Бату – столице Золотой Орды [32, с. 31]. Драматург, посвящая им свою комедию, выдвигает на первый план героя, осмелившегося тягаться с Олуг ханом, верховным правителем. Сюжет комедии не вмещается в рамки любовной истории. Произведение создавалось Наки Исанбетом в эпоху, когда деспотизм превратился в норму жизни. Над миром нависла угроза фашизма. В 5 действии анализируемой комедии Джирен чичян, протянув к Черноволосой красавице старинную рукопись, произносит показательные слова: «Кара, менэ бу Жамукай китабы, Ул да чичэн булган, монын кебек кенэ хан белэн түгел, Чыңгызыңц үзе белэн егерме ел жиңешкән» [11, с. 337]. – «Смотри, это книга Джамухи, Он тоже был чичяном, и с не таким только ханом, с Чингиз-ханом 20 лет тягался» (подстр. пер.).

Наки Исанбет «цитирует» в комедии фрагмент из книги Джамухи чичэна»:

Ир булган ир хан булса, Иркем бар дип азмасын; Илендәге кешенең, Изүеннән алмасын; Янындағы кешенең Якасыннан алмасын; Оланнарым! Коралсыз йөргән адәмгә Кораллы кулын салмасын; Ирне йорттан кумасын, Иркәсен тартып алмасын: Моны қылган хан булса, Башы қолдә аунасын. [11, с. 342–343].	Если один из мужей станет ханом, Пусть не превышает свои полномочия, думая о возлюбленной, Не хватает представителей своего народа, Каждого из них за грудки; Не хватает приближенных за воротник; Сыновья мои! Не протягивайте руку с оружием К безоружным, Не выгоняйте мужей из дома, Не вырывайте из их рук любимых. Если хан станет таким, Пусть его глава валяется в золе.
---	--

Би Янгура, обращаясь к хану, смутившись, вопрошает: «Сезгә-безгә әйткән сүз кебекрәк тия түгел ме соң бу». – «Не кажется ли Вам, что эти слова адресованы к таким, как мы» (*подстр. пер.*). Хан же счел, что эти слова были адресованы к глупым визирам, подчиненным хана [11, с. 343].

Сравнив книжный вариант пьесы с режиссерским, мы обнаружили, что его текст отличается от книжного:

Ир булган ир хан булса, Илендәге адәмнен, Изүеннән алмасын; Коралсыз йөргән адәмгә Кораллы кулын салмасын; Ирне йорттан кумасын, Иркәсен тартып алмасын: Моны қылган хан булса, Тәмугда башы кайнасын ¹³ .	Если один из мужей станет ханом, Пусть людей своей страны Не хватает зашкирку; Пусть к безоружным Не протягивает руку с оружием Не выгоняет мужей из дома, Не отбирает любимых. Если найдется хан, который решится на такое, Гореть его голове в аду.
---	--

Этот поэтический монолог прозвучал с татарской сцены в феврале 1944 г. Неслучайно, что актеры смогли сыграть лишь 4 премьерных спектакля, как пьеса исчезла из афиш театра, что было преподнесено критиками как творческая неудача режиссера. В архиве Наки Исанбета сохранилась первая редакция комедии, написанная в д. Каенлык Актанышского района. Сравнив с режиссерским вариантом мы пришли к выводу, что они идентичны (см. фото 3, 4). Это позволяет нам сделать вывод, что расширенная версия данного монолога была подготовлена при подготовке к печати этой комедии.

Наки Исанбет, работая в жанре фольклорной комедии, стремился соединить поэтическую реальность фольклорных произведений с актуальными проблемами современности. Раскрывая перед зрителями правду истории, драматург продемонстрировал потенциал духовного опыта предков в решении насущных проблем настоящего. Идейно-художественное своеобразие комедии «Жирән чичән белән Карабәч сыйлу» («Рыжий насмешник и его черноволосая красавица», 1942) основательно изучено Н. Ханзафаровым, который тесно сотрудничал с драматургом

¹³ Исаенбет Н. Жирән чичән // Библиотека ТГАТ им. Г.Камала. Рукопись. Казань, 1942. Л.121.

гом. Литературовед так определяет проблематику произведения: ««Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» комедиясе халык авыз ижатында социаль-утопик идеяләрне киң чагылдыра. Бирәдә халыкның теләкләре, дөньяга карашлары, халык һәм хан, илләр мөнәсәбәтләре, сугыш һәм тынычлык, мәхәббәт һәм гайлә, шәнес иреге һәм ил алдындагы бурыч турындагы фикерләр фольклорга таянып чагылыш табалар, халыкчан характерлар аша биреләләр» [27, с. 92]. – «В комедии «Рыжий чичян и Черноволосая красавица» нашли воплощение социально-утопические мотивы, имевшие бытование в фольклоре. В произведении нашли отражение с опорой на фольклорную традицию мечты народные, взгляды на мир, проблемы взаимоотношений народа и хана, темы войны и мира, любви и семьи, свободы слова и ответственности перед страной, которые раскрываются через глубоко народные характеры персонажей» (*подстр. пер.*).

Наки Исанбет акцентирует внимание читателей на роли интеллектуалов в у становлении дипломатических контактов и разрешении конфликтов: Джирен чичян разрешает конфликт хана с городом Токмач без кровопролития, благодаря своему красноречию, поэтическому таланту и мудрости, проявив качества искусного переговорщика. Комедия завершается общественным признанием роли чичэнов. Так, Хан вынужден так охарактеризовать Чичэна: «Чичэн эйткән дөрес булыр» [11, с. 351], «киңәшкә ярап кеше» [11, с. 351]. Это побудило и окружающих признать авторитет героя в обществе: «Бәрәкәлла ниммәтенә, Чичән...». Столь же уважительно Хан отзыается и о Карабеч сылу: «Бу хатыннар ирләре очен – бәхет, илләре очен – дан». [11, с. 351]. – «Такие женщины для мужей – счастье, а для страны – гордость» (*подстр. пер.*), Чичэн, услышав хансскую волю: «Ни теләсән, шуны эшләргә сүз бирәм», в ответ реагирует иносказанием: «Миңа шул сакалымны үзем теләгәнчә сыйпарга, үзем теләгән якка сыйпарга тулы рөхсәт бир». [11, с. 351]. – «Ты позволь мне поглаживать бороду на свой манер, в ту сторону, куда захочу». (*подстр. пер.*) Н. Ханзафаров так расшифровывает хитроумное слово народного певца: «Халык ул зур көч, хан моның белән санашырга тиеш, ул аннан башка берни эшли алмый». – «Народ – это огромная сила, хан должен с ней считаться, т.к. ничего без нее сделать не сможет» [31, с. 92]. Таким образом, в комедии Наки Исанбет за сказочным оформлением ясно прочитывается злободневный социально-политический контекст: произведение обличает деспотизм в обществе. В комедии прославляется идеал народной мудрости и свободолюбия.

Выводы

«Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Рыжий чичян и Черноволосая красавица», 1942) – яркий пример фольклорной комедии Наки Исанбета. Главная проблема пьесы – исследование онтологии власти, механизмов ее реализации в деспотическом государстве. Драматург убедительно демонстрирует, что ханская власть находит опору в противоречивой человеческой природе. Джирен чичян и Карабеч сылу – яркий пример свободолюбивых героев, превратившихся в трибунов мнения народного. Творческая история анализируемой комедии, рассмотренная сквозь призму личной биографии автора и его творческой лаборатории, является зримым свидетельством последовательного изучения татарским ученым-энциклопедистом истории Золотой Орлы и его настойчивым поиском новых художественных форм для популяризации истории татарской государственности среди читателей. Разрабатывая тему Золотой Орды в 1940 г., Наки Исанбет, превзев опасности, совершил смелый поступок, достойный уважения. Анализ архивных документов убедительно показал, что драматург предпринял максимум мер, чтобы донести свой замысел до читателей и зрителей. Писатель принадлежал к категории национальной интеллигенции, сопротивляющейся государств-

венной идеологической обработке, которых клеймили как сторонников «национализма», «приверженцев архаики» [4, с. 8]. В одном из анонимных писем от 28 мая 1952 г., написанных в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР С.А. Будаева утверждалось: «Если в учебниках по литературе идеализируется феодальное прошлое, а в искусстве заметно любование стариной». Авторы письма выразили озабоченность и протест против исполнения на сцене «архаичных заунывных песен», воскрешения «штампа феодально-религиозной песни» [4, с. 85]. В архиве Наки Исанбета хранится Выписка заседания кафедры татарского языка и литературы от 26 августа 1946 г., подписанная заведующим Р.А. Хакимовой, в котором содержится ходатайство принять тов. Наки Исанбета на работу в Казанский университет «в качестве старшего преподавателя по истории татарской литературы ввиду, что Наки Сиразеевич ведет большую научную исследовательскую работу в области татарского фольклора, литературы и языка. Он является автором ряда научных статей. Тов. Исанбет имеет большой стаж педагогической работы»¹⁴. В архиве сохранилось Заявление Наки Исанбета в адрес ректора КГУ им. В.И. Ульянова от 31 августа 1946 г., в котором ученому отказали в приеме на работу «ввиду отсутствия единицы»¹⁵. Очевидно, что это всего лишь отписка. Государственные органы бдительно следили за тем, чтобы Наки Исанбет редко встречался со студенчеством. Ученый-энциклопедист неутомимо тружился над тем, чтобы донести до читателей свою концепцию национальной истории, отличную от спускаемой сверху концепции. За это власть обрекла художника слова на существование впроголодь, блокируя его творческие проекты как в театре, так и в филармонии. Однако эти меры не сломили волю Наки Исанбета, он находил все новые способы донести свое слово до татарского народа во имя его будущего.

Комедия Наки Исанбета «Жирэн чичэн белэн Карабеч сылу» («Джирен чичян и Черноволосая красавица», 1942) – яркое свидетельствоvalorизации национальных культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Драматург успел за короткий период увековечить на сцене целый ряд национальных героев своего народа: Идегей, Туляк, Джирен чичян и Карабеч сылу, корни которых уходят в славную историю средневековых татарских государств. Благодаря подвижничеству ученого-просветителя, зритель со сцены в 1944 г. (реж. Ширяев-здан Сарымсаков) услышали не только голоса Джирен чичяна и Карабеч сылу, живших в XIV в Сарай-Бату – столице Золотой Орды, но и познакомились с наставлениями Джамухи-чичяна, избранного в 1201 г. всемонгольским гурханом, являвшегося побратимом Чингиз-хана. Пламенные монологи, критикующие despотическую власть и тиранов, были «услышаны» цензурой, поэтому спектакль после премьеры вскоре попал под негласный запрет и «тихо» исчез из афиши ТГАТ им. Г. Камала. Спектакль Ш. Сарымсакова стал очередной жертвой «расправы» над Золотой Ордой в ТАССР в свете подготовки августовского постановления 1944 г. и травли в отношении писателя Наки Исанбета. Это произведение драматурга было опубликовано лишь спустя два десятилетия после своего созда-

¹⁴ Выписка заседания кафедры татарского языка и литературы от 31 августа 1946 г. // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись, выполненная синими чернилами Р.А. Хакимовой. 1 л.

¹⁵ Заявление Наки Исанбета в адрес ректора КГУ им. В.И. Ульянова от 31 августа 1946 г. // Личный архив Наки Исанбета. Рукопись синими чернилами с подписью Н. Исанбета, с вердиктом «Воздержаться ввиду отсутствия единицы. 7.09.46», выполненным красным карандашом, подпись неразборчивая. Рукопись. 1 л.

ния, в 1963 г., в годы «оттепели», и вновь вернулось на татарскую сцену лишь в 1999 г. (реж. Ф. Бикчантаев), в период перестройки и гласности, после «парада суверенитетов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйдэ жырлыйк!: (Революция чорында халык жырлары) / Жыючысы Н. Исәнбәт. Казан: Татар. дәүл. нәшр., 1928. 40 б.
2. Бартольд В.В. Тюрки. 12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии. М.: Издательство Юрайт, 2023. 154 с.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм / предисл.: Л. Владимирцова. Л.: Акад. наук, 1934. 223 с.
4. Галлямова А.Г. «Отмечавшиеся в постановлении ЦК ВКП(б) недостатки до сих пор не преодолены...» (Году литературы посвящается) // Гасырлар авазы–Эхо веков. 2015. №1/2. С. 84–93.
5. Галлямова А.Г. «“Расправа” над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоординское обозрение. 2019. Т. 7, № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797
6. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоординское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.202-219 EDN: TCGTHF
7. Гафарова Э. Поговорим о странностях любви... // Петербургский театральный журнал. 2001. №2 (24) с. 44–45.
8. Горнфельд А.Г. Пути творчества. Петербург: «Колос», 1923. 233 с.
9. Исанбет Ю.Н. Татарский театр и музыка // Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В 2 т. Т. 1. Казан: Заман – Татар. кн. изд-во, 2009. С. 243–245
10. Исәнбәт Н. Жирән чәчән белән Карапәч сылу // Эсәрләр: 4 томда. 3 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 261–352 б.
11. Исәнбәт Н. Жирән чәчән белән Карапәч сылу // Сайланма эсәрләр: 3 томда. – 2 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. 261–332 б.
12. Исәнбәт Н. Татар халык мәкалләре. 1 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. 642 с.
13. Исәнбәт Н. Татар халык мәкалләре. 2 т. Казан: Тат. кит. нәшр., 2010. 748 с.
14. История любви // Все о свадьбе. 2012. Лето. С. 166–169.
15. Камал Ә.Г. «Жирән чичән» // Кызыл Татарстан. 1944. 12 февраль (№ 30).
16. Культура Монголии // Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. Всемирная история в 24 т. Т. 12. Минск, 1999. С. 324–332.
17. Липкин С. Народный эпос и современность // Литература и искусство. 1944. №27. 1 июля.
18. Лихачев Д.С. Задачи текстологии // Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высш. школа, 1989. С. 173–204.
19. Миннуллина Ф.Х. Н. Исәнбәт ижатында шәһес иреге // Фәнни Татарстан. 2017. №4. 62–67.
20. Монгольские летописи XVII в. М.Л.: изд-во АН СССР, 1936. 122 с.
21. Нәкый Исәнбәт: фәнни-популяр жыентык / Төз. М.М. Хәбетдинова. Казан: Жыен, 2021. 736 б.
22. Пиксанов Н.К. Творческая история «Горя от ума». М.: Изд-во «Наука», 1971. 400 с.

23. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т. 1. Кн.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 214 с.
24. Рахман Р. Нэр сыйныфта – сочинение. Казан: «Раннур» нэшр., 2003. 176 б.
25. Сакулин П.Н. Проблема «творческой истории» // Изв. АН СССР, Отделение гуманитарных наук. 1930. № 3. С. 159–181.
26. Сафиуллин Ю. Наки Исанбет. Рыжий насмешник и его черноволосая красавица // Татарский государственный академический театр имени Галиасгара Камала. Сто лет. В 2 т. Т. 1. Спектакли. Казань: Заман – Татар. кн. изд-во, 2009. С. 259–260.
27. Сүз табучы сүкүр Фәррәх әңгәмәләре / Төз. Н. Исәнбәт: [Н. Исәнбәтнең «Фәррәх жырлары түрында» дигән мәкаләсе белән]. Уфа: «Башкнига» һәм Башнаркомпрос нәшере, 1928. 32 б.
28. Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – начало XXI века). Т. I. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2019. 592 с.
29. Татар халык табышмаклары / Жыюче һәм тезүче Н. Исәнбәт. Казан: Тат. кит. нэшр., 1970. 568 б.
30. Хабутдинова М.М. Вклад Наки Исанбета в изучение Золотой Орды // Золотоординское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 181–201. DOI: 10.22378 /2313-6197.2023-11-1.181-201 EDN: NZKGGK
31. Хайрутдинова Д.Ф. Музыка Назиба Жиганова к татарским драматическим спектаклям в контексте развития театрального творчества композитора в 40–50-е годы XX века // Музыка. Искусство, наука, практика. 2022. №1 (37). С. 37–49.
32. Ханзафаров Н. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. Казан: Татар. кит. нэшр, 1982. 192 б.
33. Хәбетдинова М., Хәбибуллин Ф. Нәкый Исәнбәт чичәнлек сәнгате түрында // Tatarica. 2021. №17 (2). 119–140 б.
34. Ян В. Батый: Историческая повесть (XIII век) / Предисл. С. Бахрушина. М.: Гослитиздат, 1942. 432 с.
35. Ян В. К «последнему морю». (Путь Батыя): Историческая повесть (XIII в.). М.: Гослитиздат, 1955. 320 с.
36. Ян В. Чингиз-хан: повесть из жизни старой Азии (XIII век). М.: Художественная литература, 1939. 346 с.
37. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 p.
38. Mouggo Han Sai Da Sekiyan. Die Mandschufassuug von Secen Sagang's mongolischer Geschichte. Nach einem im Pekinger Palast gefundenen Holzdruck in Umscreibung herausgegeben von Erich Haenisch. Leipzig, Verlag Asia Major, 1933, 124 p.

Сведения об авторах: Радиф Рифкатович Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан; директор Института филологии и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой общего языкоznания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2692-1698; ResearcherID: M-2174-2013; Scopus Author ID: 56027359900. E-mail: sovet.rus16@mail.ru

Милемуша Мухаметзяновна Хабутдинова – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (420056, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила 08.06.2023

Принята к публикации 24.11.2023

Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Let's sing! (Folk songs in the era of revolution). Compiled by N. Isanbet. Kazan: Tatar state publishing house, 1928. 40 p. (In Tatar)
2. Bartol'd V.V. Turks. 12 lectures on the history of the Turkic peoples of Central Asia. Moscow: Yurayt Publ., 2023. 154 p. (In Russian)
3. Vladimirtsov B.YA. The social system of the Mongols: Mongolian nomadic feudalism). Foreword by L. Vladimirtsov. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1934. 223 p. (In Russian)
4. Gallyamova A.G. “The shortcomings noted in the resolution of the Central Committee of the CPSU (b) have not yet been overcome...” (dedicated to the Year of Literature). *Gasyrlar avazy=Echo of the Centuries*. 2015, no. 1/2, pp. 84–93. (In Russian)
5. Gallyamova A.G. “Reprisal” for the Golden Horde in the mid-twentieth century: The Ideological Discourse in Tatar Medieval Studies in the Light of the Decree of August 1944. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 4, pp. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797. (In Russian)
6. Gallyamova A.G., Khanipova I.I. Preservation of the historical memory of the Kasimov Tatars in the 1920s. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 463–472. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.463-472 (In Russian)
7. Gafarova E. Let's talk about the oddities of love. *St. Petersburg Theater Magazine*. 2001, no. 2 (24), pp. 44–45. (In Russian)
8. Gornfel'd A. G. Ways of creativity. Peterburg: «Kolos», 1923. 233 p. (In Russian)
9. Isanbet Yu.N. Tatar theater and music. *Tatar State Academic Theater named after Galiasgar Kamal. A hundred years*. In 2 vols. Vol. 1: Performances. Kazan: Zaman – Tatar Book Publ., 2009, pp. 243–245. (In Russian)
10. Isanbet N. The red-haired folk singer and his black-haired beauty. Essays in 4 vols. Vol. 3 t. Kazan: Tatar Book Publ., 1963, pp. 261–352. (In Tatar)
11. Isanbet N. The red-haired folk singer and his black-haired beauty. Selected works in 3 vols. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publ., 1963. 261–332 b. (In Tatar)
12. Isanbet N. Tatar folk proverbs. In 3 vols. Vol. 1. Kazan: Tatar Book Publ., 2010. 642 p. (In Tatar)
13. Isanbet N. Tatar folk proverbs. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publ., 2010. 748 p. (In Tatar)
14. A love story. *All about the wedding*. 2012. Summer, pp. 166–169. (In Russian)
15. Kamal E. G. “The red-haired folk singer”. *Kyzyl Tatarstan = Red Tatarstan*. 1944. 12 February (№ 30). (In Tatar)
16. Culture of Mongolia. Badak A.N., Voynich I.E., Volchek N.M. *World History*, in 24 vols. Vol. 12. Minsk, 1999, pp. 324–332. (In Russian)

17. Lipkin S. Folk epic and modernity. *Literature and Art*. 1944, no. 27, July 1.
18. Likhachev D.S. Tasks of textology. Likhachev D.S. *About philology*. Moscow: High school, 1989, pp. 173–204. (In Russian)
19. Minnulina F.Kh. Questions of personal freedom in the work of Naki Isanbet. *Fänni Tatarstan = Scientific Tatarstan*. 2017, no. 4, pp. 62–67. (In Tatar)
20. Mongolian chronicles of the 17th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 122 p. (In Russian)
21. Naki Isanbet: popular science collection. Compiled by M.M. Khabutdinova. Kazan: Dzyen, 2021. 736 p. (In Tatar)
22. Piksanov N.K. Creative story “Woe from wit”. Moscow: Nauka Publ., 1971. 400 p. (In Russian)
23. Rashid ad-Din Collection of chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 214 p. (In Russian)
24. Rakhman R. In each class – an essay. Kazan: “Rannur” Publ., 2003. 176 p. (In Tatar)
25. Sakulin P.N. The problem of “creative history”. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences, Department of Humanities*. 1930, no. 3, pp. 159–181. (In Russian)
26. Safiullin YU. Naki Isanbet. The red-haired mocker and his black-haired beauty. *Tatar State Academic Theater named after Galiyasgar Kamal. A hundred years*. In 2 vols. Vol. 1: Performances. Kazan: Zaman – Tatar Book Publ., 2009, pp. 259–260. (In Russian)
27. Dialogues with the blind singer Farrakh. Compiled by N. Isanbet, with N. Isanbet's Article “On the True Nature of Farrakh's Songs”. Ufa: “Bashkniga” and Bashnarkompros Publ., 1928. 32 p. (In Tatar)
28. Sultanova R. The scenography of the Tatar theater: the main stages and patterns of development (20th – the beginning of the 21st century). Kazan: Kazanskaya nedvizhimost Publ., 2019. 592 p. (In Russian)
29. Tatar folk riddles. Collected and compiled by N. Isanbet. Kazan: Tatar Book Publ., 1970. 568 p. (In Tatar)
30. Khabutdinova M.M. The Contribution of Naki Isanbet to the Study of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 181–201. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.181-201 (In Russian)
31. Khairutdinova D.F. Music of Nazib Zhiganov for Tatar dramatic performances within the context of the composer's theatrical work in the 40–50s of the 20th century. *Music. Art, research, practice*. 2022, no. 1 (37), pp. 37–49. (In Russian)
32. Khanzafarov N. Naki Isanbet's Dramaturgy. Kazan: Tatar Book Publ., 1982. 192 p. (In Tatar)
33. Khabutdinova M., Khabibullin F. Naki Isanbet about the folk singers' art. *Tatarica*. 2021. №17 (2), pp. 119–140. (In Tatar)
34. Yan V. Baty: A historical tale (13th century). Foreword by S. Bakhrushin. Moscow: Goslitizdat, 1942. 432 p. (In Russian)
35. Yan V. To the "last sea" (Batu's Way): A historical tale (13th century). Moscow: Goslitizdat, 1955. 320 p. (In Russian)
36. Yan V. Genghis Khan: A Tale from the Life of old Asia (13th century). Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1939. 346 p. (In Russian)
37. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt. St. Petersburg; Leipzig, 1829. 510 p.
38. Mouppo Han Sai Da Sekiyan. Die Mandschufassug von Secen Sagang's mongolischer Geschichte. Nach einem im Pekinger Palast gefundenen Holzdruck in Umscreibung herausgegeben von Erich Haenisch. Leipzig, Verlag Asia Major, 1933, 124 p.

About the authors: Radif R. Zamaletdinov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences; Director, Institute of Philology and Intercultural Communication, Head of the Department of General Linguistics and Turkic Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2692-1698; ResearcherID: M-2174-2013; Scopus Author ID: 56027359900. E-mail: sovet.rus16@mail.ru

Mileusha M. Khabutdinova – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Tatar Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420056, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8110-4001; ResearcherID: M-4418-2013; Scopus Author ID: 55929972700. E-mail: mileuscha@mail.ru

Received June 8, 2023

Accepted for publication November 24, 2023

Published December 29, 2023